

А. В. Головнёв

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МОБИЛЬНОСТИ В АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ*

doi: 10.30759/1728-9718-2018-3(60)-6-15

УДК 39:930.2

ББК 63.589

На рубеже XX и XXI вв. в мировой антропологии обозначился теоретический сдвиг, названный «мобильным поворотом» и вызванный необходимостью заместить устоявшееся в науке статичное мышление новыми подходами, основанными на динамике и мобильности. В статье дается аналитический обзор ключевых концепций быстро развивающейся антропологии, социологии и философии мобильности и движения в соответствии с разделами: «Жиль Делёз и Феликс Гваттари: ризома и номадология», «Эрик Лид: человек путешествующий», «Джон Урри: мобильный поворот», «Тим Ингольд: экология путей», а также авторская концепция «Антропология и этнография движения». Об успехах нового направления в научных поисках свидетельствует Всемирный интерконгресс антропологов и этнологов, состоявшийся в Оттаве (Канада) в 2017 г., под тематическим титулом «Mo(u)vement» (Движение). В числе обсуждаемых тем и концепций выделяются приоритеты: мировоззренческие и теоретические основания статичного и динамичного мышления и восприятия; понятия и метафоры науки о движении; природные, социальные и персональные вариации мобильности; путь в системе движения и коммуникации; соотношение движения и познания; антропология и этнография кочевников как источник данных и драйвер концептуализации номадологии.

Ключевые слова: *антропология, этнография, мобильность, движение, путешествие, кочевники, номадология*

Суждения о движении можно отыскать в глубинах античной науки (Гераклит, Эпихарм, Кратил, на свой лад Парменид и Зенон), в трудах мыслителей эпохи модерна (Ф. Ратцель, Г. Зиммель, М. Хайдеггер, А. Бергсон), однако, как заметил последний из списка, наука (в том числе алгебра) по-прежнему слаба в выражении собственно движения, передавая его формулой свершившегося, а не свершающегося.¹ В гуманитарных науках ситуация ничуть не лучше: слова «динамика», «развитие», «изменение» употребляются часто, но в расчет идут итоги, а не истоки и механизмы движения. По словам Марка Оже, до недавнего времени пространственная мобильность и движение вообще считались несовместимыми с традиционной антропологией.² Лишь в 1980-е гг. наметился интерес и поиск подходов к изучению приро-

ды мобильности в неомарксистских, постмодернистских и процессуальных построениях.³ Нельзя сказать, что сегодня научное мышление окончательно развернулось от статики к динамике, но тренд заметен: Всемирный интерконгресс антропологов и этнологов, состоявшийся в Оттаве (Канада) в 2017 г., прошел под тематическим титулом «Mo(u)vement» (Движение), и автор этих строк в числе прочих вел там сессию «Антропология движения: дорожная карта». Если концептуалистов движения собрать вместе и предоставить им пленарную трибуну, как это случилось на канадском конгрессе, может показаться, что сдвиг уже произошел, но в действительности многие исследователи по-прежнему предпочитают иметь дело со статикой условных итогов, а не с динамикой живой реальности. И все же такой сдвиг наблюдается: об этом свидетельствует предлагаемый ниже очерк ряда теорий мобильности.

*Жиль Делёз и Феликс Гваттари:
ризома и номадология*

Свою книгу «Тысяча плато» Ж. Делёз и Ф. Гваттари предлагают читать с любого места, поскольку она состоит из самостоятельных

¹ См.: Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Соч. Т. 1. М., 1992. С. 101.

² См.: Augé M. Non-places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity. London, 1995. P. 85–87.

Головнёв Андрей Владимирович — чл.-кор. РАН, директор, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
E-mail: andrei_golovnev@bk.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №17-01-00141 «Антропология движения: теоретический и научно-практический потенциал» (рук. А. В. Головнёв)

³ См.: Dalakoglou D., Harvey P. Roads and Anthropology: Ethnographic Perspectives on Space, Time and (Im)Mobility // Mobilities. 2012. Vol. 7, no. 4. P. 462.

«плато» — глав, образующих подвижное плато текста подобно тому, как соткан наш мир. Книга соответствует образу ризомы (корневой сети) — сплетенности предметов, явлений и действующих лиц, напоминающей подвижную сеть отношений, а не структурированное древо значений.

Ризома — бунт против пресловутого ментального древа. В отличие от утверждаемого сознанием древа, ризома — продукт подсознания: «Мы устали от деревьев. Мы больше не верим в деревья, корни и черешки. Они принесли нам слишком много страданий. На них основана вся древовидная культура, от биологии до лингвистики... Древо растет в головах многих людей, хотя мозг сродни траве, а не дереву».⁴ Луковицы, клубни, крысы, норы — ризомы. Амстердам — город-ризома с сетью каналов. Нарушенная ризома может сплестись заново: вы не избавитесь от муравьев, поскольку они представляют собой самовосстанавливающуюся ризому.

Древо генеалогично, ризома — анти-генеалогия, анти-память. В ризоме нет пунктов, есть только линии. Она составлена не из единиц, а из направлений движения (всегда броуновского). В ней нет ни начала, ни конца, а есть середина (среда), из которой она растет и растекается, оставаясь «междубытием» (*interbeing*) или интермедией (*intermezzo*). В противоположность центрированным системам с иерархическим режимом коммуникаций и путей, ризома ацентрична, анти-иерархична, без организующей памяти и центрального управления, определяется только циркуляцией состояний.

Противопоставлению древа и ризомы соответствует различие между оседлостью и кочеванием, между государственным аппаратом и номадами. «История всегда писалась с оседлой точки зрения и во имя унитарного государственного аппарата... Чего в ней нет, так это номадологии, которая оппозиционна истории»; «история никогда не понимала номадизма», «всегда отбрасывала кочевников»; «даже археология не избавлена от определенной ненависти или презрения к кочевникам».⁵

Номадология обладает собственным номосом (*nomos*, «порядок») в противовес аппаратно-государственному логосу (*logos*, «смысл»). Исходная для кочевой организации стая или банда — группа ризомного типа, противопо-

ложная древовидному централизму государственной власти. Жизнь номада — интермеццо. Даже если кочевая траектория соотносится с установленными путями, она не выполняет функций «оседлой дороги», которая ограничивает пространство движения и находящихся в нем людей. Кочевая траектория распределяет людей (и животных) в открытом пространстве без установленных пределов. Кочевое пространство обозначено лишь штрихами, тогда как оседлое — структурировано стенами, ограждениями и дорогами между ними. Если в расчерченном оседлом пространстве линии и траектории подчинены пунктам, то в открытом, напротив, пункты подчинены траекториям.

«Условимся говорить, — предлагают Ж. Делёз и Ф. Гваттари, — что только номады обладают абсолютным движением».⁶ Абсолютная мобильность, наделенная свойствами вихря и вращения, позволила кочевникам создать «машину войны». «Номады изобрели машину войны в противовес государственному аппарату».⁷ Кочевая машина войны, ставшая «синонимом скорости», враждебна государству и направлена против него. Впрочем «государство могло быть результатом войны, в которой победители установили, самим фактом своей победы, новый закон для побежденных», а «интеграция номадов в завоеванные империи была одним из мощных факторов обретения государственным аппаратом машины войны».⁸

Одним из оснований гегемонии Запада служит сила государственного аппарата, аннексировавшего Атлантику и расчертившего пространство моря с помощью технологий. Но ризомная по природе машина войны имеет обыкновение возрождаться, и всякий раз ее «кочевой потенциал» направлен против государства в виде неповиновения, бунтарства, бандитизма, пиратства, партизанской войны, революции.

Эрик Лид: человек путешествующий

Известный путешественник Э. Лид охватывает понятием «путешествие» (*travel*) широкий диапазон движения, в том числе собственно путешествие и кочевание, тем самым допуская единство движения в разных его проявлениях. Он убежден в том, что «кочевое состояние

⁴ Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis; London, 1987. P. 15, 18.

⁵ Ibid. P. 23, 24, 394, 405.

⁶ Ibid. P. 381.

⁷ Ibid. P. 430.

⁸ Ibid. P. 355, 359, 418.

было исходным человеческим состоянием, а идея постоянного и локализованного дома появилась в ходе истории». ⁹ Исторически роль кочевников состояла в «расширении» культур и в создании империй. Эти сообщества высоко адаптивны к меняющимся условиям: мобильность диктует открытость к инновациям. Номады часто вовлечены в пастушество и адаптивны ко многим сферам экономики как охотники-собиратели, странствующие рабочие, разбойники и рейдеры, торговцы и перевозчики, а также туристические гиды.

Политически общества номадов варьируют в диапазоне демократии, диктатуры и аристократии, в зависимости от отношений между вождями и ведомыми. Богатство таких обществ текуче, подвижно и заложено в социальных отношениях, а не в материальной собственности. «Бедность номада», контрастирующая с роскошью оседлой жизни, не исключает скрыто циркулирующего богатства. Столь же скромны церемониалы номадов: отмечаемая у них «бедность ритуала» — следствие мобильности, которая дематериализует богов. Зато миграция наделяет магической силой ландшафт, создавая «страну», обозначаемую священными местами и путями между ними. «Церемониальные центры» — сгустки миграций: Мекка и Иерусалим ведут начало от мест периодических религиозных ритуалов и сборов кочевых народов. Паломничество происходит от празднеств и фестивалей — торжеств и встреч автономных кочевых групп, утверждавших единство закона, родства, религии, клана. Еврейское паломничество (*hagh*) включает путешествие и праздничные церемонии в Храме, изначально связанные с сезонными миграциями кочевников. Все мужчины родственников по языку еврейских племен были объединены общим законом и культовыми сборами в Иерусалимском храме трижды в году — на Пасху, Шавуот (дарование Торы) и Куци. ¹⁰

Путешествие напоминает кочевание и несет в себе ту же силу мобильности, которая предопределила историю человечества. Путешествие эволюционировало от страдания через познание к удовольствию. Испытания героев «Одиссеи» и «Эпоса о Гильгамеше» ниспосланы богами и отнюдь не добровольны. Концепция странствия как божьей кары восходит к библейскому сюжету об изгнании первозданной

пары из Рая за грехи. Возмездие странствием выпало и на долю Каина, обреченного скитаться в отрыве от земли, окропленной кровью брата. Идея искупления заложена и в паломничестве как ритуале очищения с перенесением странника от грешных мест к святым.

Отыскивая истоки западных путешествий, Э. Лид соотносит английские слова *travel* (путешествие) и *travail* (мúки, тяжелый труд), видя в древнем странствии тяжелое испытание. Смысловое поле «путешествие—опасность—риск—даль» имеет общий корень *per (в лат. *experimentum* — «испытание», в англ. *experience* — «опыт» и *peril* — «опасность», «риск», в готских формах *fare, fear, ferry, fern*). Сходным образом обнаруживается связь немецкого *Erfahrung* (опыт) со старогерманским *irfaran* (двигаться, странствовать), а современное слово *bewandert* (опытный, умный) в текстах XV в. означало «попутешествовавший». ¹¹

Впрочем путешествие связано и с удовольствием, по крайней мере с базовым влечением. Во многом оно стимулируется мужским репродуктивным мотивом (*male reproductive motive*) поиска женщин. Э. Лид рисует картину мужского «сперматического путешествия» (*spermatic journey*) навстречу женской «эротичной оседлости». Исторически мужчины путешествовали, а женщины нет (или только под эгидой мужчин). Дихотомия мобильности мужчин и оседлости женщин выражена в этике «двойных стандартов», например (в античной версии) в сексуальной скованности Пенелопы и свободе Одиссея. Героический поход есть по сути «сперматическое путешествие», в котором мужское семя разбрасывается, укореняется в «локальных утробах», порождая правящие кланы. Подвиги Геракла (в том числе совокупление с женщиной-змеей в Скифии, осеменение в одну ночь пятидесяти дочерей Феспия, царя Беотии) привели к основанию царских династий Лидии, Спарты, Аргоса, Скифии. Одним из вариантов женского ответа было сексуальное гостеприимство, в том числе ритуальная (по-своему священная) проституция, описанная Геродотом у вавилонян, Страбоном — у массагетов, Евсевием Кесарийским — у бактрийцев, Марко Поло — у многих народов Востока. ¹²

В средние века путешествие приобретает облик религиозных паломничеств. С IV в. прокладываются маршруты пилигримов, а в IX в.

⁹ Leed E. J. *The Mind of the Traveler: From Gilgamesh to Global Tourism*. New York, 1991. P. 236.

¹⁰ *Ibid.* P. 239–243.

¹¹ *Ibid.* P. 5–8.

¹² *Ibid.* P. 113–116, 121, 224, 225.

паломничество в Европе (особенно в Британии) становится модой и нормой с разработанными до мелочей правилами (пилигрим безоружен, бос, с дорожной сумой, в грубой робе и широкополой шляпе; он соблюдает пост и нигде не задерживается дольше одного ночлега). В XI в. массовые паломничества перерастают в крестовые походы и становятся формой «вооруженного паломничества», или «военного туризма». Вскоре наступает эпоха рыцарских странствий с их романтизмом и персональной свободой.

С древности мотивом покорения пространства и времени было обретение славы и могущества, с чем связаны мифологические приключения Осириса, Диониса и Геракла, легендарные путешествия Одиссея, Ясона, Тесея и Гильгамеша, исторические походы Александра и Цезаря. В средние века ассоциация путешествия и свободы утверждается правом: согласно закону Генриха II, лорд, желающий дать свободу слуге, объявлял о своем намерении в церкви, на рынке или в суде графства, жалую слуге копье и меч; затем выводил его на перекресток и провозглашал, что отныне «все пути доступны его ногам». Эти две черты — оружие и право на уход — обозначали статус свободного человека (например, в образе странствующего рыцаря). Их противоположность — запрет носить оружие и путешествовать — была клеймом несвободы. Социальный лифт за счет путешествия ярко выражен в судьбе сына генуэзского ткача Христофора Колумба, ставшего лордом и «адмиралом океана».

В эпоху Ренессанса вояж приобрел смысл открытия: путешественник получил возможность обозреть и осознать картину творения по всей земле. Наступает эра «путешествующей учености», в том числе «мигрирующих университетов». Происходит становление западноевропейской идентичности: открыв Новый Свет, европейцы открыли себя. Вояжи XVI–XVII вв. дали знание новых земель и осознание собственной культурной идентичности, основанной не столько на чтении священного писания, сколько на наблюдении природы и других стран. В новое время эта функция путешествия укрепилась в научных экспедициях и познавательных-образовательных турах (в том числе аристократических гран-турах).

Э. Лид видит в путешествии «душу Запада» и источник нового в истории: «Путешествие — центральная, а не периферийная сила исторических трансформаций», реорганизации и территориализации человечества. Путешествие

генерирует идентичности (свой/чужой), а также барьеры между ними: «...границы делают те, кто их пересекает».¹³

Схему истории путешествий венчает туризм эпохи модерна и посттуризм с его тотальным консюмеризмом. Путешествие приобрело вид глобальной культуры, мировой индустрии, оснащенной международными системами транспорта, производства, распределения, коммуникации и сервиса. Оно стало общей чертой современной идентичности. И в этом кроются истоки новой проблемы: путешествие как всеобщее достояние перестало быть мерилем исключительности и героическим деянием настолько, что обернулось своей изнанкой — стремлением туристов избегать других туристов и мест их скопления. Бывшее некогда символом свободы, путешествие в облике туризма «стало чем-то вроде доли арестанта, шагающего по клетке и общающегося с другими такими же мобильными и “свободными” пленниками».¹⁴

Джон Урри: мобильный поворот

Мобильному повороту (*mobility turn*) в социальных науках предшествовал «пространственный поворот» (*spatial turn*), который произошёл в 1980-х гг. и означал выдвижение на первый план значимости пространственных структур для социальных отношений. Долгое время мобильность для науки была «черным ящиком», и лишь на рубеже XX и XXI вв. обозначились признаки мобильного поворота: «дромология» (теория скорости) П. Вирилио, «текущая современность» З. Баумана, «пространство движения» Н. Трифта, «гладкий мир империи» М. Хардта и А. Негри. По мысли теоретика мобильного поворота Дж. Урри, социальные отношения следует представлять не зафиксированными и локализованными, а «циркулирующими сущностями».¹⁵

Выбирая подходящий ракурс для обозначения исходной позиции «весь мир движется», многие авторы развивали метафоры моря, реки, потока, волн, жидкости, бродяги, пилигрима, номадизма. «Молодые пенсионеры, международные студенты, террористы, члены различных диаспор, отпускники, бизнесмены, рабы, звезды спорта, беженцы и претенденты на статус беженца, туристы, жители пригородов, молодые мобильные профессионалы, проститутки и еще многие другие — все полагают,

¹³ Ibid. P. 10–14, 87, 146–148.

¹⁴ Ibid. P. 286, 287.

¹⁵ Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 71, 72, 82, 115, 134.

что мир в их руках или, по крайней мере, у их ног». ¹⁶ Одна из метафор мобильности — мотель, в котором нет постоянной прихожей, а есть сеть коридоров; он служит транзитной станцией, а не средой сосуществования людей, он целиком подвержен циркуляции и движению, разрушая любые ощущения конкретности места. Мотель, как и зал ожидания аэропорта, обозначает «паузу» движения.

Дж. Урри пришел к теории мобильности от «автомобильности». Тему движения он развивает отталкиваясь не от антропологии и этнографии, а от технологии и социологии. Для него важно, что тело человека обладает повышенной чувствительностью в состоянии движения: это «связано с кинестетикой, шестым чувством, которое информирует человека о том, что делает его тело в пространстве, благодаря регистрации движения в суставах, мышцах, хрящах и т. п.». ¹⁷ Впрочем телом дело не ограничивается. Мобильность обладает широким спектром социальных проявлений — от генерирования класса «нового мобилитета» до постмодернистского толкования связи слов «мобильность» и «толпа» (*mob*) в значении стихийного сбора-брожения, не стесненного фиксированными рамками. В ракурсе экономики высокая подвижность капитала обеспечивает ускорение циркуляции и роста: «чем больше масштаб и влияние циркуляции, тем выше значимость сетевого капитала». ¹⁸

В многообразии мобильностей особенно значимы теории оседлости, текучести и нómадизма, вещей в движении, миграций и диаспор, радостей движения, анализ социальных сетей. Потенциал движения удобно обозначить особым термином «мотильность» (*motility*, «подвижность»), в отличие от «капитала подвижности» (*motility capital*). Объемное рассмотрение движения открывает его оборотную сторону, например «бремя мобильности» (*burden of mobility*), разного рода теневые эффекты текучести и нómадизма.

Социальную жизнь организуют и формируют пять взаимозависимых мобильностей: 1) телесные перемещения людей ради работы, досуга, семейной жизни, удовольствий, миграции или бегства (от ежедневных поездок до однажды случающегося переезда); 2) физические перемещения объектов между производителями, потребителями и продавцами,

равно как посылки и получение подарков и сувениров; 3) воображаемые перемещения при помощи образов мест и людей, осуществляемые через различные печатные или визуальные носители информации; 4) виртуальные путешествия, часто в реальном времени, преодолевающие географические и социальные расстояния; 5) коммуникационные путешествия посредством обмена текстами, прежде всего электронными и телефонными.

Началом всех мобильностей, по Дж. Урри, был пеший ход. В разные времена он становился то признаком низкого статуса (в эпоху всадников Средневековья), то веянием парижской моды в образе фланёра (в середине XIX в.). Вплоть до появления «сидячего общества» два-три столетия назад жизнь воспринималась через хождение, стояние и сидение на корточках. В 1800 г. западный человек перемещался в среднем на 50 м в день, теперь — на 50 км. При этом люди находятся в пути столько же времени, примерно час в день, но «путешествуют быстрее и дальше», используя при этом различные технологии — «от портшеза до кресел для изнеженных ягодиц в роскошных автомобилях». ¹⁹

Революцией в движении стал «паровой двигатель на железной дороге», который «убил пространство» (по выражению Г. Гейне) и одновременно раздвинул его, связав отдаленные места. Железные дороги преобразили и время, унифицировав его. В начале 1840-х гг. многие города Англии жили по своему времени: в расписании 1841 г. компании «Great Western Railway» значилось: «Лондонское время... на 4 минуты раньше Редингского, на 5 минут раньше Сиренчестерского, на 8 минут раньше Чиппенхемского и на 14 минут раньше Бриджуотерского». В 1847 г. железнодорожные компании, почтовая служба и многие города приняли Единое гринвичское время (GMT) (в разговорной речи его называли «железнодорожное»). Во второй половине XIX в. произошла координация времени между европейскими государствами, а затем между Европой и Северной Америкой. Станционные часы и расписание поездов стали эталоном точного «часового времени» (*clock-time*) и охватившего все общество «культу пунктуальности». «Часовое время» породило мечту о скорости: отныне скорость стала мерилем успеха. Особую ценность и статус

¹⁶ Там же. С. 67.

¹⁷ Там же. С. 137.

¹⁸ Там же. С. 74, 144.

¹⁹ Там же. С. 68, 141, 170, 197.

приобрели скоростные технологии, в том числе способствующие росту экономической конкурентоспособности.

Не менее существенные перемены в обществе вызвала «автомобильность», породившая новое социальное существо — гибрид «водитель-автомобиль». Машина стала продолжением тела водителя, а автомобильный трафик создал новые городские субъективности, «гражданство дороги», общие правила поведения и коммуникации посредством визуальных и акустических сигналов.

Автомобильность, будучи структурированным и эффективным движением, вызывает неоднозначные метаморфозы. Дж. Урри замечает: «Тело, движущееся в трафике, это скрюченное чудовище, лучшим образом приспособленное к тому, чтобы находить себе путь с минимальными потерями». Вообще, соединение человека с машиной — «это сделка с дьяволом в стиле Фауста, машины немислимо расширяют возможности человека, но ценой лишения его сил самому делать множество вещей, таких как ходить, думать, читать, познавать, непосредственно ощущать».²⁰

В последние десятилетия утвердились еще две системы мобильности — «компьютерные сети» и «мобильная телефония». Они знаменуют собой приход новых сред, социальных практик и экономических сущностей. Можно сказать, что парадигма мобильностей вырвалась на волю и множит свои формы, стремясь достичь «космобильности». В числе ее порождений — бурно растущая глобальная туриндустрия и «совершенно новая порода людей, межконтинентальное племя бродяг... транзитные пассажиры, вечно идущие к выходу на посадку».²¹

Тим Ингольд: экология путей

Антропология Т. Ингольда настроена на восприятие человеком окружающего мира не в статике фиксированных объектов, а в многообразии путей. Опираясь на категории Ж. Делёза и Ф. Гваттари, он замечает, что движение всех живых существ — людей, животных и растений — образует «плотную массу пересекающихся путей, напоминающих более всего ризому».²²

Для концептуализации движения важны оттенки понятия «сеть» (*net*) — сеть пунктов (*network*) и сеть связей (*meshwork*), — эквивалентные транспорту и пути. Транспорт ориентирован на пункты назначения и на перемещение объектов, подобно ходам фигур на доске в шахматах или шашках. Путь, напротив, подразумевает ход движения: собственно путник и есть его путь. Т. Ингольд называет оксюмороном словосочетание “*space and place*” (пространство и место), поскольку существование разворачивается не на местах, а вдоль путей. Каждое существо оставляет на пути след, а в месте переплетения следов образуется узел тем большей плотности, чем больше в нем сплетено линий жизни.

В очерке «Пункт, линия, контрапункт: от окружающей среды к текучему пространству» Т. Ингольд предлагает дополнить словесные описания реальности линиями путей — средствами «графической антропологии». Картина реальности передается не только словами. «Почему мы признаем только наши текстовые источники, — замечает автор, — а не землю, по которой ходим, бесконечно изменчивое небо, горы и реки, скалы и деревья, обитаемые дома и используемые нами орудия, не говоря уже о бесчисленных спутниках, людях и животных, с которыми мы делим нашу жизнь? Это они постоянно вдохновляют нас, испытывают нас, говорят с нами. Если у нас есть цель прочтения мира... то письменные тексты следуют обогатить нашим чтением того, что... говорит нам мир».²³

И сами тексты нуждаются в обновлении. «Линиям движения» соответствует не классификация, а повествование. В очерке «Рассказ против классификации» Т. Ингольд противопоставляет форму и действие: знание не классифицируемо, а повествуемо (*storied*);²⁴ оно эквивалентно самому движению — происходящему — в нераздельности тела и разума, через жизненный мир. Это значит, что знание образуется не посредством заполнения ячеек в классификационной иерархии, а по мере обхода окружающего пространства по путям следования с места на место внутри матрицы

²⁰ Там же. С. 148, 204.

²¹ Там же. С. 69, 91, 144.

²² Ingold T. *The Perception of the Environment. Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London; New York, 2000. P. 144.

²³ Ingold T. *Being Alive. Essays on movement, knowledge and description*. London; New York, 2011. P. xii, 177.

²⁴ В отличие от английских слов *history* и *story*, русская «история» покрывает оба значения — 1) корпус научного знания и 2) жизненное событие. Сегодня в обыденной речи это слово все чаще используется для обозначения конкретного сюжета, вопроса, эпизода; возможно, в этом по-своему выражается ментальный сдвиг от устойчивой формы к живому действию.

движения. Таким образом, повествование связывает воедино то, что классификация разбивает. Природу вещей мы можем осознать и описать только путем «рассказывания их историй».²⁵

Повествование не только увязывает события внутри сюжета, но и соотносит где-то некогда случившееся с восприятием присутствующих, как будто все происходит здесь и сейчас. В истории, как в жизни, движение с места на место — от темы к теме — образует знание. Хорошо знает тот, кто хорошо рассказывает, кто способен не только складно описывать, но и тонко настраивать восприятие окружающих. Рассказ — это не представление мира, а отслеживание пути, в котором автор выступает проводником. Рассказываемое знание не классифицировано и не схематично; оно сплетено в сеть, содержащую линии и узлы, согласно матрице движения.

Примечательно, что восприятие тоже связано с движением: мы не ограничиваемся взглядом на предмет с одной выгодной точки, а совершаем его «обход» — обзор. Движение, а не сознание, должно быть стартовой точкой изучения восприятия. Ходьба сама по себе есть высокоинтеллектуальная деятельность, способ обзорного познания: мы знаем, поскольку идем. Посредством ходьбы ландшафт бесконечно вплетается в жизнь, а жизнь — в ландшафт.²⁶

В апологии мобильности Т. Ингольд оставляет место неясностям и недоумениям. Непонятно, например, почему, как показали исследования, женщины при ходьбе чаще смотрят под ноги, чем мужчины: потому ли, что они ходят медленнее и имеют время поглядеть вниз; потому ли, что так этически выражается женская скромность; или потому, что они носят непрактичные и опасные каблуки? Сегодня не вполне очевидны последствия формирования «сидячего общества» в XVI в., когда стул и сидение стали символами власти и достоинства: исходно у людей не было нужды сидеть на стульях, как и всовывать ноги в ботинки и туфли.²⁷

Антропология и этнография движения

Главный герой антропологии движения — *Homo mobilis* (человек движущийся) — обозначился десять лет назад.²⁸ К этому привел

ряд наблюдений и опытов: во-первых, этнографическое сопереживание движения как уюта (своего рода «покоя») в арктических кочевьях; во-вторых, археологические свидетельства того, что прапредок человека больше бегал, чем ходил, и исходным состоянием человечества было активное движение (благодаря которому люди заселили всю планету, сохранив при этом единство биологического вида); в-третьих, потребность записи и передачи существенных явлений жизни средствами не только «стабильной» науки, но и «мобильного» искусства, чему в наибольшей мере соответствует кинематограф (буквально «запись движения»).

Позиционирование «человека движущегося» придает гуманитарной науке естественность и жизненность, прежде иссушавшуюся навязчивой формализацией (разного рода типами, формациями, структурами). В компании с *Homo mobilis* антропология, как и история, становится увлекательнее и человечнее, выстраиваясь в сценарии и создавая объемные динамичные картины реальности. В ходе проб и экспериментов сложился заимствованный из кинематографа метод «крупного плана», в котором «человек движущийся» обретает черты реального персонажа и, выступая проводником в культуру или эпоху, создает эффект живого присутствия и соучастия. На роль такого гида подходит персонаж, характеризуемый источниками настолько, что позволяет воссоздать его поведенческий образ (мотивационно-деятельностную схему). При этом в монгольскую культуру и историю следует входить в сопровождении монгола (например, Тоорил-хана), а в нордическую — скандинава (например, Харальда Сурового). Цель этого экскурса состоит не только в обзоре эпохи глазами гида, но и в сопереживании его мотивов–решений–действий. Персонификация позволяет найти выразительный ракурс антропологии в отличие от усредненного ракурса социологии. Принято считать, что макроракурс открывает общие структуры и процессы, в то время как микро- концентрируется на частностях. В антропологии движения получается наоборот: макро- (как в кино) соответствует крупному плану человека, а микро- — общему плану, в котором человек измельчается в «массу людей».²⁹

²⁵ Ingold T. Being Alive. P. 156–160.

²⁶ Ibid. P. 45–47, 229.

²⁷ Ibid. P. 39, 43.

²⁸ См.: Головнёв А. В. *Homo mobilis* // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития.

Екатеринбург, 2008. С. 67–70; Он же. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.

²⁹ См.: Головнёв А. В. Крупный план в антропологии // Урал. ист. вестн. 2010. № 4 (29). С. 14–20.

Не ограничиваясь персонификацией, антропология движения рассматривает комбинации взаимодействия разных мотивационно-деятельностных схем, выявляя их сходство и даже универсалии. К числу последних относится алгоритм взаимодействия локальных и магистральных культур: локальная культура осваивает биоресурсы и «возделывает» конкретную эконишу, магистральная — синтезирует ресурсы локальных культур в сети коммуникации и сложные сообщества, часто приобретающие облик государств. При этом репертуар любой культуры включает различные деятельностные схемы — от узко локализованных до широко развернутых в социальном пространстве. Локальной культуре земледельца, рыболова или ремесленника присуще бережное отношение к границам дома, селения, культ родного края с его озерами, рощами, духами, мифами. Магистральная культура обладает технологиями пересечения границ, вторжения в чужой мир и власти над пространством. Этот алгоритм представляет полиэтничные сообщества «этноценозом», в котором у народов/культур есть свои деятельностные ниши, связанные динамичным взаимодействием. Локальная культура выступает кормящей, магистральная — движущей; ведущая роль в сценариях их взаимодействия принадлежит военно-политической, духовной и торговой элите магистральной культуры; ее язык обычно становится вторым языком объединяемых локальных групп.

Обзор колонизации показывает, что это явление многократно старше человечества и, в отличие от идеологически окрашенного понятия «колониализм», представляет собой универсальный механизм распространения жизни. Любая колонизация — не одностороннее действие, а «дорога с встречным движением», т. е. может произойти «колонизация-вспять» (как в сегодняшней Европе) и «рокировка» ролей колонии и метрополии. Колонизация бывает локальной (освоение экониш) и магистральной (охват больших пространств). В свою очередь в магистральной колонизации обнаруживается три стиля — кочевой, силовой и сетевой. Первый подразумевает мобильную власть над пространством зависимых народов и стран; второй — военно-административное подчинение (нередко в виде имперского порядка), третий — торгово-промышленную паутину отношений с элементами партнерства.

Всем странам, иногда неоднократно, довелось побывать колониями, и часто превращение колонии в метрополию сопровождалось реконкистой. Для Руси (вся русская история, в сущности, история путей) основное значение имела триада силовых линий (магистралей) — нордизм, ордизм и понтизм, сочетание которых дало эффект образования евразийской империи. Колонизация многолика, и ее проявления до сих пор наполняют социальную реальность, включая поведение мигрантов, действия элит и даже игры детей.³⁰

Ветвь антропологии движения, называемая антропологией путешествия, ориентирована на исследование мотивов и состояний самого путешественника, на обстоятельства, толкающие его в путь и воздействующие на него по ходу движения. Познание мира и себя — универсальный алгоритм путешествия, дающий ключ к исследованию различных ментальных карт, особенностей восприятия иных народов и культур. Это направление значимо еще и потому, что именно путешественники в своих заметках описывают состояние движения *per se*.³¹

Помимо антропологии движения, можно обозначить и этнографию движения, которая разворачивается в двух измерениях — как изучение динамики этничности и как запись схем-сценариев мобильности разных народов. В этнодинамике пристального внимания заслуживают варианты дрейфа этничности, баланса и чередования устойчивости (традиций) и изменчивости (новаций). Нередко этнокультурные традиции уживаются с технологическими новациями и даже выступают их опорой или трамплином.

В полной мере этнография движения стала возможна недавно, с развитием мобильных техник визуальной и навигационной записи. Лучший опыт такого рода исследований дают кочевники — воплощенная традиция движения. Кочевники Арктики первыми участвовали в апробации полевого метода ПКД (путь—карта—действие), состоящего в записи: а) GPS-трека человека в течение дня; б) карты кочевий в течение года/сезона; в) видеоторяда движений/действий. Новшество состоит в применении современных инструментов (включая аэросъемку, трек-навигацию и трехмерное моделирование) в сфере, где

³⁰ См.: Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015.

³¹ Головнёв А. В. Антропология путешествия: от *imago mundi* до *selfie* // Урал. ист. вестн. 2016. № 2 (51). С. 6–16.

прежде довлело текстовое описание.³² Запись движения средствами GPS-мониторинга с попутным картографированием и визуальным сопровождением позволяет наглядно передать «анатомию мобильности». Наблюдения показывают, что кочевая традиция содержит в себе целый ряд принципов, которые, с одной стороны, предельно практичны, с другой — заслуживают теоретической проекции (к их числу относятся: слитное пространство-время, кочевой трансформер, мобильный модуль, эффект движения, техноанимация, вещный минимализм, северная эстетика).

Сегодня опыт кочевников все чаще рассматривается не как экзотическая архаика, а как универсальный феномен в становлении человечества и в освоении планеты. В его изучении намечается три тематико-хронологических горизонта: 1) номадизм как естество культуры с древнейших времен; 2) место кочевников в истории; 3) кочевые алгоритмы в современных технологиях мобильности. Новая номадология нацелена не только на исследование конкретных кочевых обществ, но и на познание потенциала движения человека в целом.

***

Перечисленные концепции — начало списка, который продолжают Дж. Клиффорд, Т. Крессвел, М. Серра, П. Мерриман, Н. Салазар и другие авторы оригинальных теорий мобильности. Пополнение их рядов отраднo, но переполнение нежелательно: здоровый баланс поклонников мобильности и стабильности так же важен, как чередование состояний покоя и активности, и научному миру полезен

Andrei V. Golovnev

Member of the RAS, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: andrei_golovnev@bk.ru

CONCEPTUALISATION OF MOBILITY IN ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY

The turn of the 20th–21st centuries saw a theoretical shift in anthropology known as the “mobile turn” prompted by the need to replace the traditional for the academic literature static description of events with the new approach based on dynamics and mobility. The article provides an analytic review of the key concepts of the quickly developing anthropology, sociology and philosophy of mobility grouped in several sections: “Gilles Deleuze and Félix Guattari: Rhizome and Nomadology”, “Eric J. Leed: Traveling Man”, “John Urry: Mobile Turn”, “Tim Ingold: Ecology of Roads”, as well as the author's concept “Anthropology and Ethnography of Movement”. One of the evidences of the success of this new research trend was the International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences in Ottawa (Canada) in 2017 under the general theme title “Mo(u)vement”. The

«мысле-ценоз» — система сдерживания и противовесов разных методов и теорий.

В номадологии Ж. Делёза и Ф. Гваттари можно уловить зловещие оттенки наследственного страха перед «гуннами» и предчувствия нового нашествия. Схема эволюции путешествия Э. Лида по-своему стройна, но местами уязвима: реконструируемая им исходная ступень «страдания» сомнительна, поскольку для семитов-кочевников номадизм был образом жизни, а не проклятием, и для эллинов путешествие было скорее призванием, чем наказанием. Дж. Урри в ладах с автомобилями и поездами, но не с лошадьми и верблюдами: многие отмеченные им эффекты отнюдь не новы (например, культ скорости задолго до промышленной Англии был в обычае всех кочевников). Т. Ингольд пронизателен в антропологии, но не слишком обходителен с этнографией, смешивая в эволюционистско-марксистском стиле фрагменты культур инуитов, шумеров, оджибве, тасманийцев, эвенков и других народов. И все же общий поток наблюдений и идей в антропологии мобильности впечатляет обилием и свежестью, а также тем, что доводы разных наук сходятся в части необходимости преодоления статики мышления.

Теория движения в антропологии и этнографии обладает свойством гуманитарной технологии: человек, осознанно корректирующий свою мотивационно-деятельностную схему, обладает усиленным проектным и деятельностным потенциалом. С этим связаны качества достоинства, самобытности и другие характеристики человека-деятели, ради которого и разрабатывается антропология движения.

³² Головнёв А. В. Кочевье, путешествие и нео-номадизм // Урал. ист. вестн. 2014. № 4 (45). С. 121–126.

priority topics and concepts discussed by the participants included the philosophical and the theoretical foundations of static vs dynamic thinking and perception; the notions and the metaphors of the science of motion; the natural, social and personal variations of mobility; a road in the system of movement and communication; the relationship between movement and knowledge; anthropology and ethnography of the nomads as the source of data and the driver for conceptualization of nomadology.

Keywords: *anthropology, ethnography, mobility, movement, travel, nomads, nomadology*

REFERENCES

- Augé M. *Non-places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. London: Verso, 1995, 122 p. (in English).
- Bergson H. [The experience of direct data of consciousness]. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Moskovskiy klub Publ., 1992, vol. 1, pp. 50–156. (in Russ.).
- Dalakoglou D., Harvey P. Roads and Anthropology: Ethnographic Perspectives on Space, Time and (Im)Mobility. *Mobilities*, 2012, vol. 7, no. 4, pp. 459–465. (in English).
- Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia*. Mineapolis; London: University of Minnesota Press, 1987, 612 p. (in English).
- Golovnev A. V. [Anthropology of travel: from imago mundi to selfie]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2016, no. 2(52), pp. 6–16. (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Close-up in Anthropology]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2010, no. 4(29), pp. 14–20. (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Homo mobilis]. *Rossiya mezhdru proshlym i budushchim: istoricheskiy opyt natsionalnogo razvitiya* [Russia between the past and the future: the historical experience of national development]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2008, pp. 67–70. (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Migration, travel, and neo-nomadism]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2014, no. 4(45), pp. 121–126. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Yevrazii)* [Anthropology of Movement (Antiquities of the North Eurasia)]. Ekaterinburg: UrO RAN, "Volot" Publ., 2009, 497 p. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Fenomen kolonizatsii* [Phenomenon of Colonization]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2015, 592 p. (in Russ.).
- Ingold T. *Being Alive. Essays on movement, knowledge and description*. London; New York: Routledge, 2011, 270 p. (in English).
- Ingold T. *The Perception of the Environment. Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London; New York: Routledge, 2000, 465 p. (in English).
- Leed E. J. *The Mind of the Traveler: From Gilgamesh to Global Tourism*. New York: Basic Books, 1991, 316 p. (in English).
- Urry J. *Mobilnosti* [Mobilities]. Moscow: Praxis Publ., 2012, 576 p. (in Russ.).